

ЗНАКОВАЯ СУЩНОСТЬ ТЕКСТА И БИБЛЕЙСКАЯ ЭКЗЕГЕТИКА: НА ПУТИ К ПОСТКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ

Савин Г.А.

От науки к богословию

Взаимное проникновение наук – дело очевидное, полезное и даже необходимое. Однако сегодня давно пришло время констатировать тот факт, что современное богословие все более встает на научные методологические рельсы, и, как нам кажется, библеистика здесь является одним из ярких примеров.

В книге, посвященной исследованию библейского текста «Поэтика библейского параллелизма», ее автор Андрей Десницкий отмечает, что «исследования текста как единого целого приводят библеистов на перекресток многих гуманитарных наук, среди которых прежде всего необходимо упомянуть филологию, историю, лингвистику и культуроведение – но ими этот список не исчерпывается»¹. Размышляя о подходах к объекту научного анализа, автор касается такой выдающейся личности в филологической науке как Фердинанд де Соссюр, достижения которого стали «в филологии XX века, да и во многих других гуманитарных дисциплинах примерно тем, чем в физике в свое время открытия Ньютона»². Вклад Соссюра, по мнению Десницкого, настолько велик, что есть смысл говорить о «Библейской филологии “после Соссюра”»³.

Работы Соссюра оказывают мощное влияние на развитие библеистики повсеместно; так, Энтони Ч. Тизелтон в своей работе «Семантика и толкование Нового Завета», ссылаясь на «эпохальную», по его мнению, книгу Джеймса Барра «Семантика библейского языка» («Semantics of Biblical Lan-

¹ Десницкий А. *Поэтика библейского параллелизма* / Серия «Современная библеистика». – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – С. 18.

² Там же, с. 26.

³ Там же, с. 25.

guage») и некоторых других авторов (Э. Гуттгеманнса, Р. Киффера, Д. Сойера, К.Л. Барреса), отмечает, что все «перечисленные авторы черпали свои идеи исключительно из лингвистики», а идейным вдохновителем для них стал «такой классик, как Фердинанд де Соссюр, чей знаменитый труд “Курс общей лингвистики” был опубликован посмертно в 1915 году»⁴.

Конечно, не всегда передовые научные идеи находят достойный отклик в рядах церковно-религиозных мыслителей. Соссюровский структурализм и семиотика, а вместе с ними и научные разработки целого ряда выдающихся ученых помимо Соссюра (Ч.С. Пирс, К. Бюллер, Ш. Балли, Э. Сепир, Б. Уорф, Л. Ельмслев, У.Д. Уитни, Ф. Боас, И.А. Бодуэн де Куртене и др.), работавших в этом же направлении, не приходится по вкусу отдельным сакрализаторам библейского текста и церковной традиции. Объяснение механизмов понимания текста и, как следствие, разрушение монополии церковников на толкование Библии порой вызывают откровенную панику. Например, в статье «“Священный” язык в историко-церковной перспективе» преподаватель Православного Свято-Тихоновского Богословского Института А.В. Муравьев яростно критикует современные научные достижения данного направления: «Дерзну заявить, что Православие не может говорить на языке семиотики, ибо оно говорит языком Откровения, языком Св. Отцов. Семиотическое мышление с его компаративистским пафосом, уравнивающим и типологизирующим все и вся, не совместимо с Православием по сути, но может рядиться в православные одежды. В рамках семиотики существует оппозиция “сакральное/профанное”, отсутствующее в Православии, но в которую еретики насильственно пытаются засунуть Церковь. <...> Язык посему есть Божие творение, и он освящен Церковью именем Св. Отцов, чтобы стать средством молитвы хвалы и благовестия»⁵.

Для непосвященного в суть дела церковного, некритически мыслящего человека такое высказывание может даже показаться благочестивым, но это пустое и показное благо-

⁴ Тизелтон Э.Ч. *Семантика и толкование Нового Завета* // Толкование Нового Завета. Под ред. А.Г. Маршалла / Пер. с англ. – СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 2004. – С. 83–84.

⁵ Муравьев А.В. «Священный» язык в историко-церковной перспективе // Богослужебный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации. – Изд. Сретенского монастыря, 1999. – С. 238–239.

чество. Лишение отдельных религиозных деятелей на эксклюзивное право толкования Библии и объяснение смысла жизни как таковой, апеллирующих к Божественному Откровению, вызывает вполне объяснимое раздражение, однако такая маргинальная позиция уже не в состоянии повлиять на научный ход жизни и развитие библейской науки. Итак, вернемся снова к личности нашего главного героя и рассмотрим основные из его идей.

Фердинанд де Соссюр (Saussure, Ferdinand de) (1857–1913) – швейцарский лингвист, один из основоположников современной лингвистической науки, а также структурализма как научной идеологии и методологии. Теоретические труды Соссюра ознаменовали поворот лингвистики от исторического и сравнительного изучения языков в их развитии (диахронии) к анализу языковой синхронии, т.е. структуры конкретного языка в определенный момент времени. Соссюр первым последовательно разграничил синхронический и диахронический подходы к языку. Его обращение к синхронии произвело революцию в лингвистике. При всей значительности появившихся с тех пор новых теорий и методов сам тип предложенных им синхронных структурных описаний играет определяющую роль в лингвистических исследованиях на протяжении всего XX века и доньше.

Родился Фердинанд де Соссюр 26 ноября 1857 в Женеве (Швейцария) в семье французских эмигрантов. В 18 лет поступил в Лейпцигский университет в Германии, в 1880 получил степень доктора. Затем переехал во Францию, в 1881–1891 преподавал санскрит в Школе высших исследований в Париже. В те же годы Соссюр исполнял обязанности секретаря Парижского лингвистического общества и в этом качестве оказал весьма значительное влияние на развитие лингвистики. Позже, с 1906 по 1911, читал лекционные курсы по сравнительной грамматике и общему языкознанию в Женевском университете. Умер Соссюр в Вюфлане (Швейцария) 22 февраля 1913⁶.

Теория знака Соссюра

Одна из фундаментальных идей Соссюра заключается в том, что объекты лингвистики не являются данными, а фор-

⁶ Алпатов В.М. *Фердинанд де Соссюр* // История лингвистических учений. Учебное пособие. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 130–131.

мируются в зависимости от точки зрения исследователя⁷. Другими словами, в тексте нет ничего кроме того, что мы увидели, а увидели мы то, что сами означили, т.е. системно осмыслили. Осмысливается ли это в самом языке, понимает ли это субъект речи? – Неважно, главное, что мы выявили этот знак, он стал квантом информации с присвоенным ему значением. На этот счет Соссюр высказывается достаточно радикально: «Я хочу высказать несколько еретическое предположение. Неверно, что такие результаты членения слова как *корень, тема, суффикс*, являются чистыми абстракциями. Прежде всего и до того, как заводить речь об абстракциях, необходимо иметь жесткий критерий для определения того, что можно назвать “реальным” в морфологии. Критерий таков: реальным является то, что говорящие субъекты хоть в какой-то степени осознают все то, что они осознают, и только то, что они могут осознать»⁸. И еще: «Ничего не дано заранее, иными словами, нет не только ничего, что заранее получает определение вне какой бы то ни было точки зрения, но также не существует такой точки зрения, которая была бы предпочтительнее, чем другие. <...> У нас же имеются прежде всего точки зрения, верные или ложные, но всегда лишь точки зрения, и уже с их помощью создаются объекты. <...> Наш символ веры в лингвистике заключается в следующем: в других науках можно говорить об объектах “с той или иной точки зрения”, поскольку есть твердая уверенность найти твердую почву в самом объекте. Что же касается лингвистики, то мы принципиально отрицаем, что в ней заранее даны объекты исследования. <...> Самый общий итог. Самый общий смысл выдвигаемых нами положений таков: в лингвистике запрещено говорить, хотя мы постоянно это делаем, о “каком-либо объекте” с различных точек зрения или об объекте вообще, потому что именно точка зрения и создает этот объект»⁹.

Самое важное в языке для Соссюра – это правила, которые он сравнивает с игрой в шахматы, которая включает в себя «как позиции, так и ходы, как изменения, так и состоя-

⁷ Соссюр Ф. де. *Заметки по общей лингвистике*. Пер. с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 11.

⁸ Соссюр Ф. де. *Заметки по общей лингвистике*. Пер. с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 71-72.

⁹ Там же, с. 109-110.

ния, характеризующие протекание этой партии». Игра становится возможной «по предварительной договоренности, которая снова и снова вступает в силу после каждого хода в партии, а в языке это совершенно неизбежное взаимодействие знаков независимо от разума, которое происходит само собой после каждого события, каждого хода»¹⁰.

Особым образом Соссюр характеризует языковой знак, который для него всегда конвенционален (искусственен) и обладает планом выражения и планом содержания («означающим и означаемым»). Это свидетельствует о человеческой сущности (человеческом происхождении) языка: «Ни в один момент времени не может возникнуть связь между определенным рода свистящим звуком и формой буквы “s”; подобным же образом слово «cow» (англ.) так же прекрасно обозначает корову, как и слово «vassa» (лат.) <...> Итак уясним, что язык есть просто человеческое установление»¹¹. Наличие случайной конвенциональной связи между знаком и его значением для Соссюра принципиально: «Поскольку полное отсутствие сходства между знаком и понятием имеет радикальный характер и не допускает совершенно никаких оговорок, то отсюда следует, что языковая деятельность не регулируется какими-либо человеческими нормами. <...> В языке никогда невозможно обнаружить даже следа внутренней связи между звуковыми знаками и понятиями, эти знаки ведут независимую материальную жизнь, что совершенно не характерно для тех областей, в которых внешняя форма хотя бы в минимальной степени связана естественной связью с понятием»¹².

Идеи Фердинанда де Соссюра не получили широкого распространения и особого признания в научном мире среди его современников, как это чаще всего и случается с чем-то новым, передовым и для общей массы пусть даже и ученых людей непривычным. Однако воздействие Соссюровского структурализма не только поставило на новые рельсы современную филологическую науку, но и оказалось далеко за пределами языкознания и литературоведения, дав новый толчок в развитии современной науки.

¹⁰ Там же, с. 90.

¹¹ Там же, с. 94.

¹² Соссюр Ф. де. *Заметки по общей лингвистике*. Пер. с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 97.

Современные лингвистические представления о языке и языковом знаке

В современной науке существуют три основных направления в понимании теории знака. В узкой трактовке к знакам относится только то, что привычно в обыденном языке и обозначается как «знак», т.е. разнообразные общепринятые или согласованные только на данный случай спонтанно возникшие или намеренно установленные условные знаки и знаковые системы, вроде дорожных знаков, воинских или иных знаков различия, денежных знаков, знаков приветствия (рукопожатий, поклонов, объятий, поцелуев и т.п.)

В другой, более широкой трактовке знака единицы и комбинации единиц естественного языка также относятся к знакам, добавляя их к тем, что были указаны выше. Тем самым определяется существенное различие между словесными (естественноязыковыми) первичными знаками и вторичными (искусственными) знаками.

В наиболее широкой трактовке к знакам причисляют не только первичные словесные и вторичные искусственные знаки, но добавляют еще одну категорию знаков – знаки-признаки (знаки-индексы или симптомы). Речь при этом идет о причинно-следственных зависимостях явлений и событий, когда одно явление связано с другим и тем самым как бы служит знаком этого последнего, свидетельствуя о его наличии. Например, человеческие следы на песке как следствие, что сравнительно недавно по этому месту прошел человек; дым, поднимающийся в небо, как следствие того, что где-то горит или тлеет огонь; появление слез на глазах как следствие глубоких переживаний человека (хотя причина может быть и совершенно иной)¹³.

При всем этом важно понимать, что ни в самих вещах, фактах, событиях, явлениях, ни в их связях и зависимостях, взаимодействиях не может быть ни грана значения. Оно появляется только тогда, когда эта связь осознается кем-то как способ и для целей ориентации в мире. Значение в импликационной ситуации или просто импликационное

¹³ Никитин М.В. *Курс лингвистической семантики: Учебное пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вузах.* – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. – С. 20-21.

значение – это знание о связях вещей и событий, актуализированных применительно к данному наблюдаемому факту в конкретных условиях его наблюдения. Что касается знаковой ситуации, то она всегда значима, ибо знаки специально «изобретены» человеком, чтобы служить для целей передачи значений, – это их первичное бытие, для которого они предназначены¹⁴.

Итак, значение возникает при осознанной информационной связи между двумя фактами, при которой один факт (вещь, предмет, событие, явление) актуализирует в сознании мысль о другом и информационно настраивает сознание на этот второй.

Во-первых, значение – факт сознания. Оно замкнуто в сознании и, так сказать, никогда не покидает головы. При сообщении значений, строго говоря, не происходит их передачи: знаки нельзя считать носителями значений в том смысле, что значения не заключены в них, не составляют часть материального тела знака. Знаки не несут и не передают значения (это метафоры) одного человека другому, а индуцируют тождественные или сходные значения, возбуждают аналогичные информационные процессы в двух сознаниях. Знаковое общение имеет результатом актуализацию одинаковых или близких значений в голове общающихся, а также модификацию и возникновение новых значений.

Во-вторых, понятие знака производно от значения, первое определяется через второе. Знак – предмет, значимый условно, а не своими природными (естественными) связями. Иначе говоря, знак – предмет, специально назначенный для сообщения значения и в этой функции обнаруживающий связи. Знаковое значение не является частью импликаций, свойственных знаку как природному явлению.

В-третьих, значение – понятие более широкое, чем знак, и не существует знака без значения¹⁵.

Итак, что нам, людям, читающим и изучающим Библию, дает такое представление о знаке в тексте? Ответ следующий: **чем больше разнородных и разноплановых знаков в**

¹⁴ Там же, с. 23–24.

¹⁵ Никитин М.В. *Курс лингвистической семантики*: Учебное пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вузах. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. – С. 25.

тексте мы видим, тем глубже и нюансированнее наше понимание текста. Разумеется, эти знаки должны проистекать из текста, а не вчитываться нами как нечто искусственное и чужеродное. Сколько может быть этих знаков? – Сколько угодно, начиная от самого текста, обладающего знаковой природой, заканчивая звуком, наделенным смыслом.

Текст как знак и знаки в тексте в лингвистическом понимании

С семиотической точки зрения **текст** – некоторый макроили суперзнак, вмещающий в себя все остальные сущности (морфему, слово, сверхфразовое единство, грамматические категории и средства и т.д.) как части знака. В тексте как сложном языковом знаке можно выделить план выражения и план содержания, не являющиеся при этом элементарной комбинацией планов выражения и планом содержания его компонентов¹⁶. Однако для языкового знака этих условий мало. Ф. де Соссюр, характеризуя сущность знака, настаивал на его *непроизвольном* восприятии¹⁷. Еще одно необходимое условие признание знака языковым в том, что он не должен иметь никакого другого функционального предназначения, помимо обеспечения сигнификативного базиса коммуникации, т.е. в жесткой привязке означать одно и то же¹⁸. Однако, на первый взгляд, говорить о воспроизводимости текста в эмпирическом смысле, как знака, всегда означающего одно и то же, невозможно. Поле текстов принципиально открыто и потенциально бесконечно. Кажется, что текст не может восприниматься произвольно. Очевидно и то, что текст возникает не только для передачи информации, а для достижения некоторой новой духовной общности, что предполагает качественно иной тип «означаемого» и совершенно иные принципы организации «означающего».

И тем не менее, несмотря на столь сложную природу текста, существуют основания для признания текста зна-

¹⁶ Дьмарский М.Я. *Проблемы текстообразования и художественный текст.* На материале русской прозы XIX -XX вв. Изд. 3-е. – М.: «КомКнига», 2006. – С. 27.

¹⁷ Соссюр Ф. де. *Заметки по общей лингвистике.* Пер. с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слосаревой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 100-102, 104-105.

¹⁸ Дьмарский М.Я. *Проблемы текстообразования и художественный текст.* На материале русской прозы XIX -XX вв. Изд. 3-е. – М.: «КомКнига», 2006. – С. 27.

ком. Текст можно рассматривать как завершенное, самодостаточное целое, в котором по определению содержится не только некоторая закодированная эстетическая сущность, но и сам этот код, который поддается реконструкции¹⁹ [Дымарский 2006, стр. 32]. Эту сущность можно определить как *жанр текста*. В своей совокупности дифференциальных характеристик **жанр – это такой вид речевого произведения, который характеризуется относительной устойчивостью тематических, композиционных и стилистических характеристик**. Жанр обладает всеми характеристиками знака. Такое понимание речевого жанра основывается на обобщенном представлении об определенном характере авторского отношения к действительности в связи с типовым замыслом (это содержательный компонент), на наличии структурных признаков оформленного содержания (это стилистический компонент) и экстралингвистической типичности представления²⁰.

Итак, речевой жанр – это знак. Текст, «отлитый» в определенном жанре, – знак, который становится носителем, так сказать, надтекстового смысла (семантики).

Такой вывод можно подтвердить нетипичным для Библии жанром сказки, которая однозначно воспринимается сознанием русскоговорящего человека как: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Или, например, речевой жанр лекции предусматривает монологическую обучающую речь лектора (учителя) к аудитории обучаемых, а не наоборот (не следует лекцию путать с семинаром, научной дискуссией, коллоквиумом и т.п.).

Первый текстовый знак, которого мы кратко коснемся, – **предложение**. С точки зрения лингвистики отдельно взятое предложение есть текст²¹. Уже на этом основании можно сделать логический вывод, что предложение обладает знаковостью. Однако знаковость предложения обнаруживается в аспекте *семантического синтаксиса*.

На основе формальных языковых схем (которые можно представить закрытым списком: $N_1 - N_{1(\text{cop})}$; $N_1 - V_f$; Praed –

¹⁹ Дымарский М.Я. *Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX-XX вв.* Изд. 3-е. – М.: «КомКнига», 2006. – С. 32.

²⁰ Матвеева 1997, стр. 45.

²¹ Крылова О.А. *Лингвистическая стилистика*. В 2 кн. Кн 1. Теория: Учеб. пособие / О.А. Крылова. – М.: Высшая школа, 2006. – С. 216.

Inf и т.п.) образуются предложения с разнообразным конкретным содержанием. Конкретным содержанием предложения являются мысли человека об окружающем его мире: окружающих предметах; явлениях и событиях; людях и самом себе и т.п. и т.д. Предложение дает номинацию, т.е. называет «положение дел»; например: «Идет дождь».

Конкретные номинативные значения неисчерпаемы, однако это не означает, что также неисчерпаемо количество логико-синтаксических типов предложений. В лингвистике **выделяются четыре логико-синтаксических типа**²²: предложения *характеризации* (*Бог есть любовь*); предложения *именования* (*Имя ему – Иоанн*); предложения *тождества* или *идентификации* (*Грех есть и беззаконие*); *бытийные* предложения (*У него был ящик*). Данную классификацию можно представить и более развернутым списком (например, предложения характеризации включают в себя три логико-синтаксических подтипа: 1) реляционные предложения; 2) предложения определительной характеризации; 3) предложения обстоятельственной характеризации)²³. Итак, любое предложение любого содержания безотносительно к своему конкретному значению и конкретной коммуникативной задаче есть знак, который можно классифицировать с точки зрения семантического синтаксиса.

Слово обладает собственной знаковой природой; например: что означает греческое слово *θάνατος* [танатос]? Для человека, незнающего греческого языка, – ничего; для знающего – понятие 'смерть'. Наличие связи между означающим и означаемым не очевидно.

На сегодня невозможно говорить об однозначном значении понятия «слово» в языкознании. Слово определяют через его связь с предложением как предельный минимум предложения, минимальную синтаксическую единицу (Л.В. Щерба, И.А. Бодуэн де Куртенэ и др.), через связь с понятием (чаще философы), через отношение к действительности (В.В. Виноградов). В определениях слова подчеркивают его самостоятельность и целостность, совмещение грамматической, фонетической и семантической сторон. Однако при всем этом слово остается знаком.

²² Крылова О.А., Максимов Л.Ю., Ширяев Е.Н. *Современный русский язык: Теоретический курс. Ч. IV. Синтаксис. Пунктуация.* – М.: Изд. РУДН, 1997. – С. 113.

²³ Там же, с. 127.

Отдельной знаковой природой обладает, например, **морфема** (префикс, суффикс, интерфикс, флексия, постфикс; например, греч.: ἐξ – ‘из’; ἀπο – ‘от’; συν – ‘с’; – σα – суффикс атематического аор.; – θη – суффикс аор. страд. залога; ος – окончание сущ. муж. р., им. п., 2-го скл.). Морфема – минимальная значимая часть слова, т.е. наименьшая в знаковом отношении единица структуры слова, с регулярно воспроизводимыми формой и значением, далее неделимая без потери значения. Как знак морфема может быть носителем как лексического, так и грамматического значения.

Собственной знаковостью, а значит и собственной семантикой, обладает **грамматический способ**, например, порядок слов. Сравните два словосочетания: (а) *встретимся в два часа* / (б) *встретимся часа в два*. Для носителя русского языка не представляется сложным понять, что порядок слов примера (а) говорит о точном времени встречи, а пример (б) содержит сообщение о примерном времени встречи более или менее ближе к двум часам.

Вышеприведенный пример не является единственным, здесь можно говорить и об инверсии в словосочетании и предложении, об атрибутивности и предикативности слов определенной морфологической принадлежности и т.п. В результате мы резюмируем, что порядок слов обладает своим собственным значением, семантикой, которая отделена от лексической, текстовой и любой другой семантики; таким образом порядок слов – это знак.

Стилистическая фигура также обладает всеми признаками знака; например:

И сказал им:

а) *суббота*

б) *для человека,*

в) *а не человек*

а) *для субботы* [Мк 2:27];

Это **антиметабола** (от. греч. ἀντί – ‘против’ и μεταβολή – ‘перехожу’, ‘изменяю’) или **антитеза**, усиленная словесным или корневым повтором, обычно выстраиваемая в виде простого инкорпорирующего параллелизма, представляющего собой поговорку; например: «Мы должны есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть» (Приписывается Сократу.). Как знак схематически антиметабола выглядит следующим образом: а, б | в, а.

Знаковостью обладают **грамматические абстракции**; например, по конструктивной схеме $N_1 - N_{1(\text{cop})}$ строится такое предложение как «Бог есть любовь», или «Несчастный я человек», а коммуникативная схема $\underline{П} (T) / \underline{С} (R)$ специально подготовленному человеку даст понять об отсутствии инверсии в простом предложении.

Разумеется, в данной статье перед нами не стоит задача дать полное количество текстовых знаков закрытым списком. Задача иная: обосновать утверждение, что, **являясь знаком по своей природе, текст состоит из большого количества знаков**. Более того, следуя лингвистической концепции Фердинанда де Соссюра для интерпретатора текста это количество может как увеличиваться, так и сокращаться. Это происходит из-за того, что любой знак – это результат человеческого сознания, а не «объективного положения дел».

Некоторые выводы для экзегетического анализа

В этой связи можно прийти к выводу, что, строго говоря, никакой *экзегетики* в чистом виде, с точки зрения извлечения смыслов из текста, не существует по сути. Любой ЭК-ЗЕ-ГЕЗИС (извлечение смысла из текста) – всегда ЭИС-ЭГЕЗИС (привнесение смыслов в текст). Любое прочтение любого текста – это **всегда двойственный процесс внедрения и извлечения смыслов (знаков) из текста одновременно**, поскольку значение – это факт сознания, а не написанного или произнесенного текста. Оно замкнуто в сознании человека и никогда не покидает его.

В этой связи **говорить о тексте в отрыве от получателя этого текста не имеет никакого смысла**, но только с учетом «дискурса» читателя. В самом широком и наименее «лингвистичном» понимании *дискурс* – это текущая речевая деятельность в какой-либо сфере (определенная речевая ситуация). С лингвистической точки зрения, *дискурс* – это **комплексное образование, включающее в себя текст (в его материальном выражении) в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами**. Одной своей стороной дискурс обращен к прагматической ситуации, другой – к ментальным процессам участников коммуникации, т.е. к стратегиям порождения и понимания речи в тех или иных условиях

коммуникации²⁴. Основным признаком дискурса является признак *процессности*. Это означает наличие не просто онтологического признака временной протяженности, но прикреплённости к реальному, физическому времени, в котором тот или иной текст «живет». Именно в этом смысле дискурс не следует отождествлять с текстом.

Текст – это речемыслительное произведение, получающее свое реальное существование только в определенном дискурсе, выражающемся в текущей речевой деятельности, осуществляемой здесь и сейчас. В онтологическую интерпретацию письменного текста органически входит представление о том, что текст создается с установкой на многократное воспроизведение²⁵. Каждое прочтение текста – это фактическое порождение нового (очередного) дискурса, поскольку полноценное существование текста вне дискурса невозможно.

Поскольку при сообщении (реализации текста) знаки не передаются, то нет смысла говорить о написанном тексте в связи с субъектом речи (автором). Порождая и воспринимая знаки, читатель имеет дело с текстом и только с текстом, следовательно, такие понятия как коммуникативное намерение автора, авторский замысел, авторская точка зрения должны нами восприниматься как образная речь (метонимия), сам автор как физическое лицо для нас уже не существует. В результате мы читаем не только то, что автор передал знаком, в тексте могут существовать такие знаки, которые автор возможно и не хотел передать, но в силу объективных или субъективных причин так получилось. В результате восприятие текста адресатом может оказаться шире и глубже даже того, что автор хотел передать. Например, ап. Павел в Послании Галатам пишет следующее:

Ἴδετε πηλικοῖς ὑμῖν γράμμασιν ἔγραψα τῇ ἐμῇ χειρὶ

Видите, какими большими буквами я написал вам своей рукой [Гал 6:11].

Скорее всего, в планы ап. Павла не входило сообщение о необычности написанного им текста. Просто так получилось.

²⁴ Арутюнова Н.Д. *Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь*. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 137.

²⁵ Дьмарский М.Я. *Проблемы текстообразования и художественный текст*. На материале русской прозы XIX -XX вв. Изд. 3-е. – М.: «КомКнига», 2006. – С. 41.

Учитывая срочность сообщения и, возможно, не очень хорошо видя и не имея помощника, который бы все это четко записал, Павел собственноручно пишет текст послания. Буквы получаются излишне большими. Другими словами, апостол как бы говорит нам: «Посмотрите, как важно то, что я сообщаю вам! Вникните и поймите, как вы дороги мне!» А это уже прагматическое значение знака, которое заслуживает особого внимания.